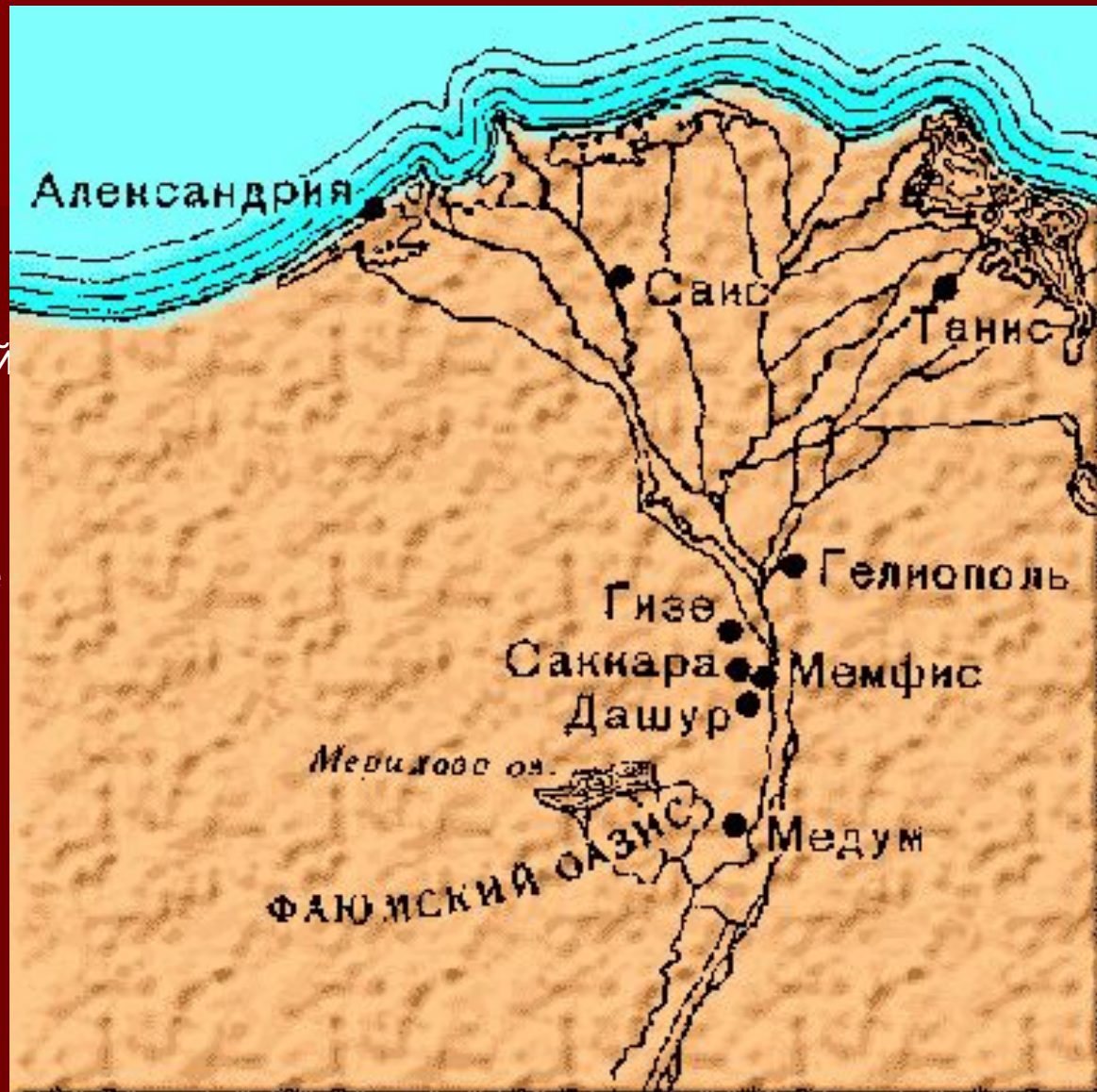

Фаюмские портреты

МХК – 10 класс

Осенью 1887 года в местечке Эр-Рубайят оазиса Фаюм, в Среднем Египте, местные жители нашли древний некрополь с захоронениями мумий. Гробницы разграбили уже давно, вероятно еще в VI-VII веках. Но в пелены мумий на месте лиц были вставлены исполненные на дощечках портреты, с поразительной достоверностью передававшие черты умерших. Под головой каждого лежала табличка с указанием имени, возраста и профессии. В жажде наживы открыватели стали поспешно выдергивать из пелен написанные на дощечках портреты, таблички же были рассыпаны и в большинстве своем погибли.

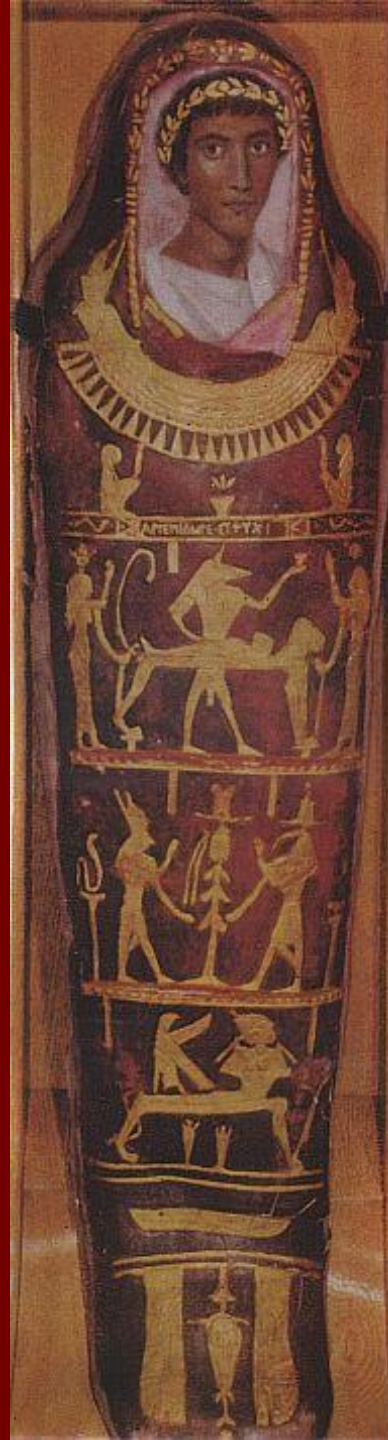

К счастью, египетские торговцы сразу же сбыли 94 портрета известному венскому антиквару Теодору Графу. Тот показал их египтологу и писателю Георгу Эберсу. Эберс признал фаюмские находки подлинными античными портретами, и вскоре в музеях Германии и других государств Европы прошли выставки, вызвавшие неподдельный и шумный восторг. Ведь портреты, помимо их изумительного сходства с живыми людьми, были написаны разогретыми восковыми красками - в технике энкаустики, известной до того лишь по сочинениям древних авторов.

Портрет молодой женщины. Шотландия. Королевский музей. Эдинбург.

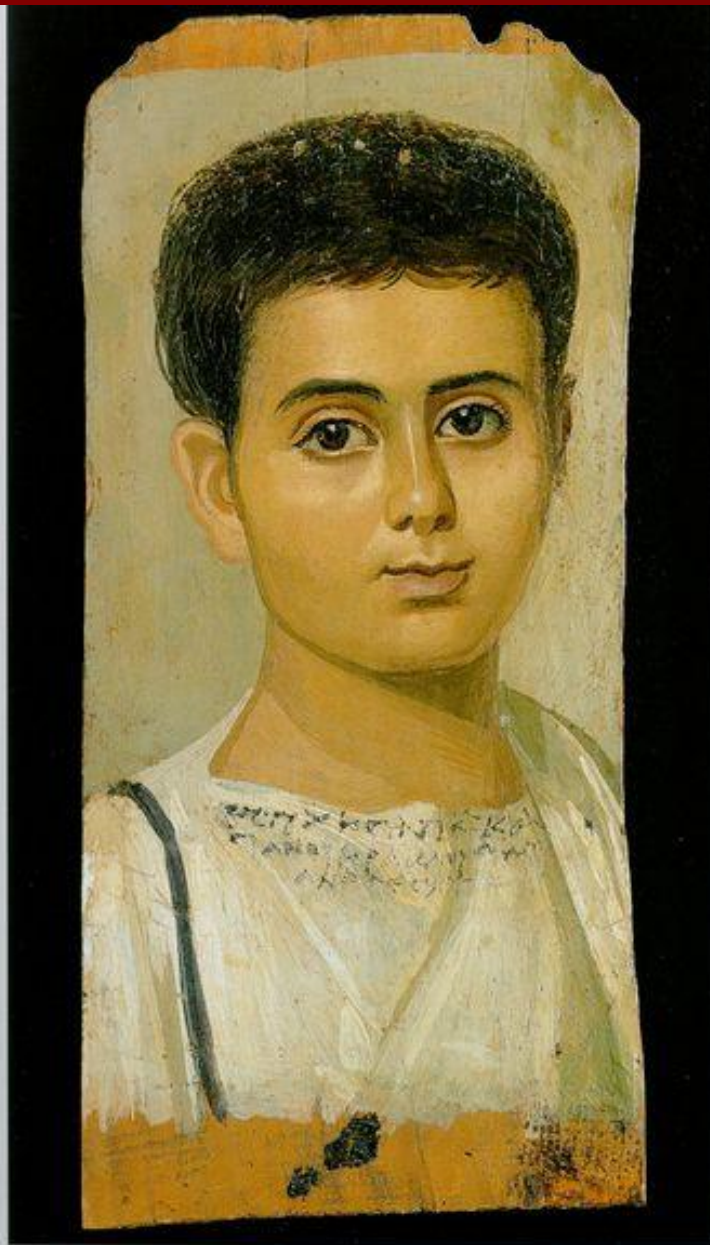
В том же году в другом фаюмском местечке, Хаваре, начал раскопки некрополя известный британский археолог Флиндерс Питри. Ему тоже посчастливилось - он нашел 40 портретов, и в дальнейших раскопках, из которых самым удачным оказался сезон 1910-1911 годов, было найдено еще 30. Впоследствии фаюмские портреты были обнаружены и в других некрополях Египта - в Абурир-эль-Мелеке, Эль-Хибехе, Мемфисе, Антинополисе, Ахмиме, Фивах и Саккаре. Кстати, два фаюмских портрета из Саккары поступили в Дрезденский музей еще в 1626 году от итальянского путешественника Пьетро делла Валлы. Сегодня в мире известно не менее 750 портретов, из которых в самом Фаюме было найдено около 300.

Саркофаг
Артемидора.
Фаюм. 2 век.
Британский
музей

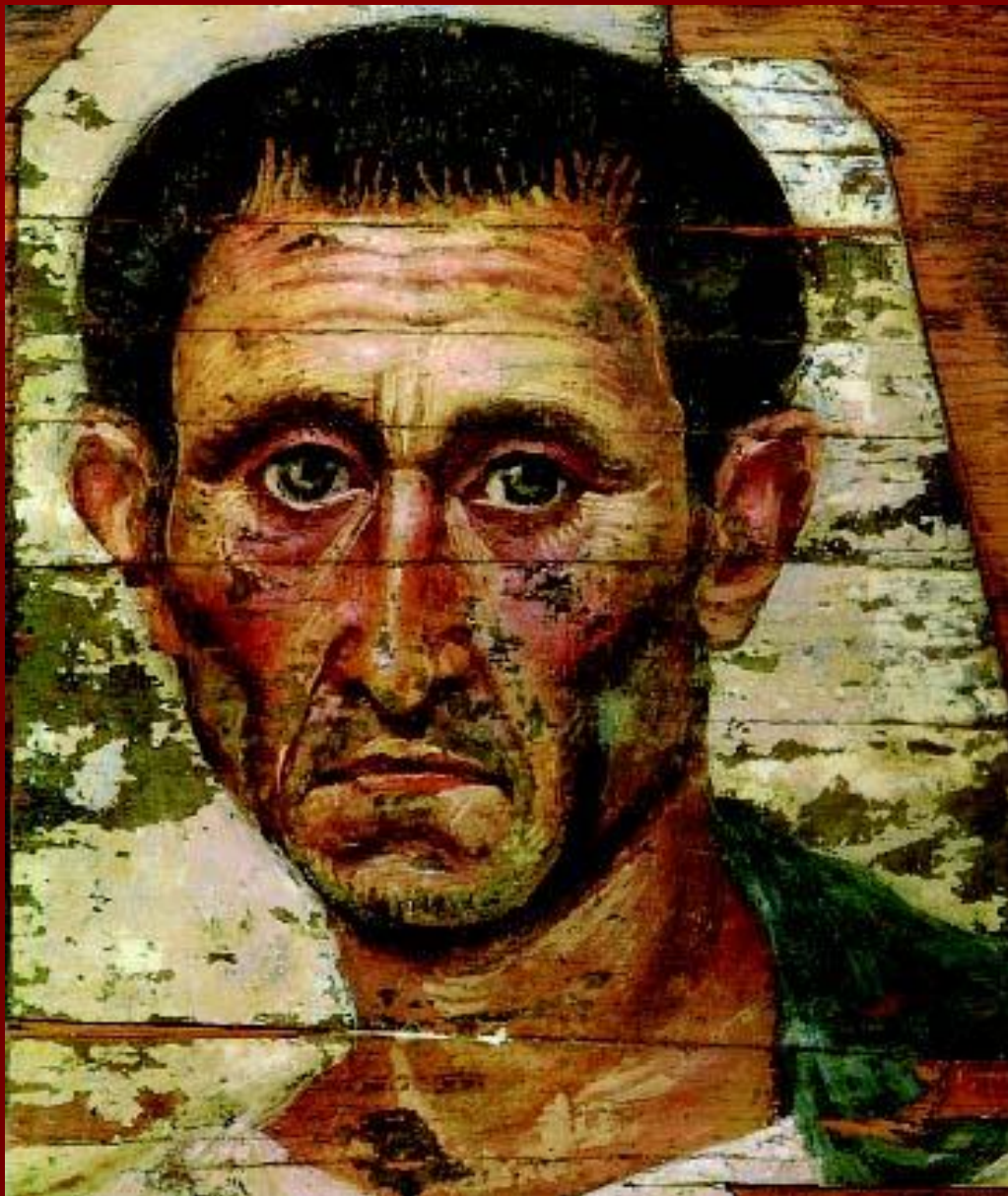

Портрет Артемидора.
Энкаустика. Фаюм. 2 век.
Британский музей

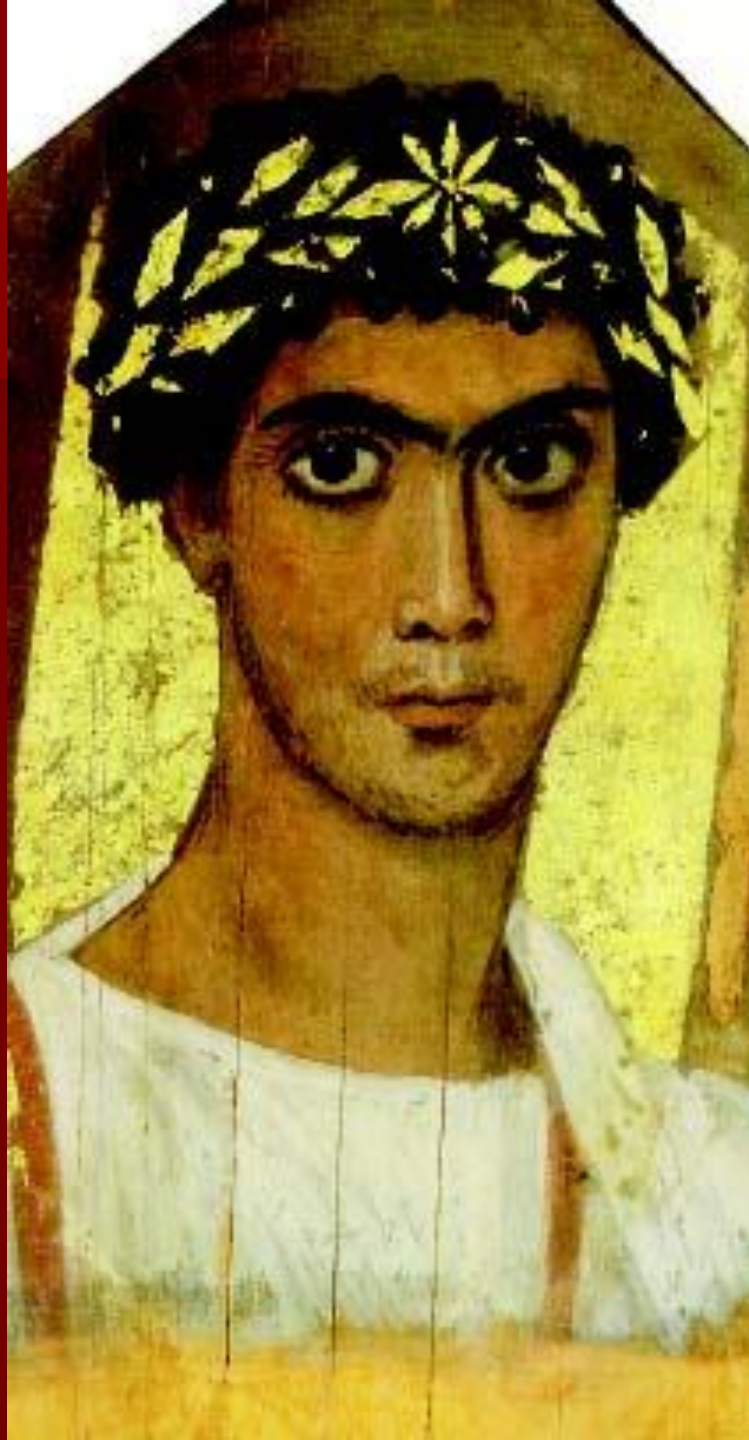

65

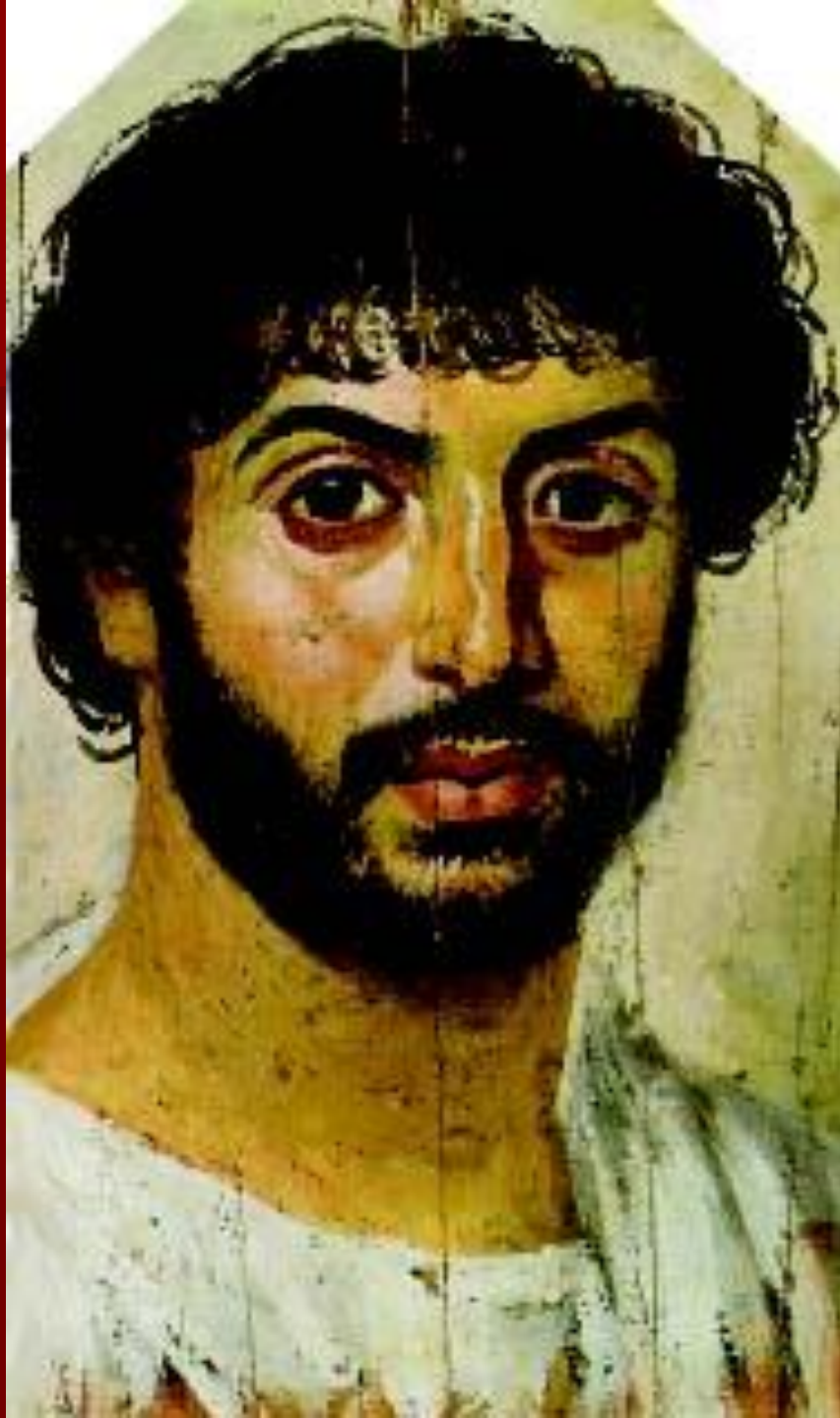
Фаюмский портрет девушки

Портрет пожилого римлянина датируют серединой или концом I века н. э. Человек, живший, вероятно, во времена императоров Клавдия или Нерона, представлен в легкой светлой тунике и накинутом сверху синем плаще. Хитон украшают вертикальные орнаментальные полосы - клавы. Было замечено, что плащ его не совсем обычен и скорее напоминает римский *sagus*, который носили лица, находившиеся при исполнении официальных должностей. И все же этот портрет лишен налета официальности.

Этот смуглый юноша жил в Египте в начале II века н. э., когда еще слишком велико было влияние греческой культуры. Золотой венок из тонких пластин - типичный для Греции погребальный атрибут. При написании портрета мастер пользовался энкаустикой и темперой.

Мужчина с семитским типом лица жил во II веке н. э. Густые курчавые волосы, карминного цвета губы. Цветные тени на лице переливаются разными оттенками. Без сомнения, это лицо живого человека. Портрет написан с натуры и до смерти портретируемого хранился по римскому обычаю в атриуме. В скорбный час его поместили в мумию, внизу сохранились следы приклеиваемого холста. Художник работал восковой темперой и не каутерием, а кистью. Это произведение В. С. Голенищев считал одним из лучших в своем собрании.

Женщина со смуглой кожей - египтянка, жившая во II веке н. э. Чтобы усилить открытость взгляда, художник нанес ресницы только на верхнее веко. Выполненные каутерием завитки волос сбегают на лоб, косы уложены в пучок. Такую прическу носили римские красавицы, которым подражали египтянки. Шею и одежду портретируемой художник рисовал темперой. Портрет В. С. Голенищев приобрел в конце XIX века у венского антиквара Т. Графа.

Господствовавшая в Египте на протяжении тысячелетий вера в вечную жизнь породила обычай мумифицировать покойников, а мумию снабжать портретом умершего, дабы душа, возвращаясь в свое прежнее обиталище, "не перепутала адрес". Фаюмские портреты заменили собой погребальные маски для мумий.

После завоевания Египта Александром Македонским в 332 году до н. э. к власти пришла македонская династия Птолемеев (304-30 годы до н.э.), государственным становится греческий язык, начинается взаимопроникновение культур, местная знать перенимает греческую моду. В I веке до н. э. Египет был вновь завоеван, теперь уже Римом.

В Фаюме эпохи эллинизма сложилась культура, сплавившая много разных этнических традиций: помимо подверженной греческому влиянию местной знати в Египте жили римские легионеры, сирийцы и финикийцы, евреи, ливийцы, многочисленные местные народности, среди которых встречались негры. Всю эту необычайно богатую палитру этносов мы находим в фаюмских портретах. Флиндерс Питри пытался отождествить тот или иной этнический тип, сопоставляя портреты с мумиями. При этом выяснилось, что столичная римская мода в провинциальном Фаюме сильно запаздывала - дамские прически отстают на 20-30 лет!

Фаюмский портрет - результат счастливого союза трех традиций: египетского канона, римского познания природы и воспаренности эллинского духа. И все же это портрет совсем особый, ритуальный. Он связан с верой в возрождение, в новую реальность бытия.

За каждым портретом - неповторимый мир, ушедшая в небытие судьба. Красивые черноглазые мальчики с первым пушком на щеках, грустные пышноволоосые девушки, мужчины во цвете лет с классическими лицами - настоящие Аресы и Аполлоны; диковатые заросшие туземцы, заброшенные старики - братья и сестры, матери и дети. Все они смотрят на нас как бы внезапно обернувшись. И этот поворот, движение навстречу человеку, дает разительный контраст к извечно неподвижной мумии, которая и есть субстанция ушедшей жизни. Фаюмские портреты невозможно созерцать без глубокого душевного волнения, без неосознанного стремления понять судьбу неведомых людей: кто они были, как жили, отчего покинули мир? Всматриваясь в изображенных, мы получаем ответный взгляд - глубокий, пронизательный, прощальный. Но прощание оборачивается встречей: образы умерших людей оживают в нашем сознании, как столетие назад - в сознании открывших их миру Т. Графа, Г. Эберса, Ф. Питри. Нигде яснее не ощущается та сила, с которой долговечное искусство (*ars Longa*) спасает от забвения, казалось бы, и совсем не значимые, и даже самые коротенькие человеческие жизни (*vita brevis*).